

ASOCIAȚIA SLAVIȘTILOR DIN REPUBLICA POPULARĂ ROMÂNĂ

**ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ТОПОНИМОВ
НА ТЕРРИТОРИИ РУМЫНИИ**

Акад. Э. ПЕТРОВИЧ

ROMANOSLAVICA

IX

REFERATE ȘI COMUNICĂRI

prezentate la cel de-al V-lea Congres Internațional al Slaviștilor (Sofia, 17—23. IX. 1963)

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

представленные на V Международном Съезде Славистов (София, 17—23. IX. 1963)

EXTRAS

BUCUREȘTI — 1963

1. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ТОПОНИМОВ НА ТЕРРИТОРИИ РУМЫНИИ

Акад. Э. ПЕТРОВИЧ

Основная задача тех, кто изучает румынскую топонимику славянского происхождения — установить характерные фонетические и, по возможности, другие черты тех говоров, на которых говорили славяне, создавшие соответствующие славянские местные имена в Румынии. Ставится вопрос, был ли распространен на территории Румынии только один славянский язык или несколько. Если в средневековой Дакии было несколько славянских языков, то какие были эти языки и каковы были их фонетические черты? Сможем ли мы установить, хотя бы приблизительно, области, ареалы, внутри которых были в употреблении славянские говоры с определенными фонетическими чертами? Сможем ли мы очертить славянские изоглоссы на территории Румынии при помощи топонимических данных? Я думаю, что на эти вопросы можно ответить положительно.

★

И раньше некоторые исследователи пытались установить, при помощи топонимических данных, фонетические черты того славянского языка, или языков, на которых некогда говорили в Румынии. Так, например, выдающийся знаток болгаро-македонских говоров А. М. Селищев, на основе ряда румынских местных имен как *Peștera*, *Grăjdeni*, *Breaza*, *Breasta*, *Deal* и *Pleaș*, пришел к заключению, что славянское население, обитавшее некогда на территории Румынии, принадлежало к болгарской группе¹. Такие местные имена встречаются во всех обла-

¹ А. М. СЕЛИЩЕВ, *Старославянский язык. I. Введение. Фонетика*, Москва, 1961, стр. 20—21.

стях Румынской Народной Республики, а из этого следовало бы, что утверждение Селищева правильно для всей территории Румынии. С другой стороны, Густав Вейганд исключал почти всю Молдавию из числа румынских областей, где — по его словам — говорили на болгарском языке. По его мнению, идя по направлению к востоку, последним географическим болгарским названием является *Slănic* (приток реки Тротуш)¹. Севернее и восточнее этой реки нет болгарских топонимических названий, хотя в этой части Румынии встречаются названия типа *Breazul, Dealul, Grajduri, Grăjdeni, Slatina* и др. Что касается Трансильвании, Г. Вейганд подчеркивал болгарский характер ее славянской топонимики². Того же мнения были и его ученики Шейнер³ и Либхарт⁴, которые изучали топонимику южной и восточной Трансильвании; этого мнения придерживался и я⁵.

Однако венгерский славист Иштван Книежа считает, что славянская топонимика Трансильвании представляет очень скудные данные для определения того славянского языка, на котором говорили в прошлом на этой территории. По его мнению, данные топонимики позволяют нам утверждать лишь то, что славянский язык, на котором говорили в Трансильвании, не принадлежал к восточной группе и, одновременно, не был восточноболгарским, поскольку на этой территории отсутствуют топонимические названия с полногласием, с *št, žd* и с *'a* на месте общесл. **tj, *kt', *dj* и **ě*. Несмотря на это, И. Книежа признает, что где-то в восточных областях, где говорится — или говорилось — на венгерском языке, венгры были в контакте с такими славянами, которые имели в своей речи *št, žd* на месте общесл. **tj, *kt', *dj*. От этих болгарских славян венгры заимствовали такие слова как *mostoha nyűst, pest, mesgye, rozsda* (<болг. *машеца, нищи, пещ, межда, ржѣда*), но топонимика не дает указаний относительно той области, где жили эти болгарские славяне на территории бывшей Венгрии⁶.

Другие исследователи допускают возможность существования в прошлом на определенных областях Румынии двух славянских пластов. Так, в Молдавии якобы существовал один древний, южнославянский пласт, представленный такими топонимическими названиями как *Grădiștea*, и

¹ GUSTAV WEIGAND, *Ursprung der südkarpatischen Flussnamen in Rumänien*, «Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig», XXVI—XXIX (1921), стр. 86.

² G. WEIGAND, *Ortsnamen im Ompoly- und Arányos-Gebiet*, «Balkan-Archiv», I (1925), стр. 36.

³ WALTHER SCHEINER, *Die Ortsnamen im mittleren Teile des südlichen Siebenbürgens*, «Balkan-Archiv», II (1926), стр. 10.

⁴ OTTO LIEBHART, *Die Ortsnamen des Seklergebietes in Siebenbürgen*, «Balkan-Archiv», II (1926), 7, 12, 13, 16, 19, 20, 24, 28, 35, 46, 57, 61, 80, 83.

⁵ E. PETROVICI, *Daco-slava*, «Dacoromania», X₂ (1943), стр. 375.

⁶ KNEZSA ISTVÁN, *Keletmagyarország helynevei*, в DEÉR J. — GÁLDI L., *Magyarok és románok*, I, 1943, стр. 120—121. По мнению И. Книежи, среди славянских топонимических названий Трансильвании, Баната, Кришаны и Марамуреша лишь *Breazova* (венг. *Brázova*) обнаруживает болгарские фонетические черты.

другой более новый, восточно-славянский, с топонимическими названиями типа *Horodîstea*¹.

Противоречивые мнения относительно диалектных черт славянских топонимических названий Румынии могут быть, в своем большинстве, устранены, если принять во внимание славянские заимствования румынского (и венгерского) языка, которые использовались румынским (и венгерским) населением для создания топонимических названий. Местные имена, имеющие славянский характер, образованные от основ, существующих как нарицательные имена в румынском (и венгерском) языке, не могут служить точными показателями диалектных фонетических черт славянских говоров на территории средневековой Румынии, ибо эти географические названия могли быть созданы румынами (или венграми).

Среди заимствований из одного иностранного языка следует считать и личные имена. Эти имена также могут быть использованы населением, воспринявшим их, для создания топонимических названий. Известно, что румыны употребляют — и в особенности употребляли — многочисленные личные имена славянского происхождения, которые служили им базой для образования топонимических названий.

Из изложенных выше фактов вытекает, что для того, чтобы прийти к точным результатам относительно диалектной принадлежности славянских говоров, на которых некогда говорили на территории Румынии, нужно отказаться от свидетельства тех местных имен, имеющих мнимый славянский характер, которые были образованы из нарицательных или личных имен, существующих в румынском (или венгерском) языке².

Итак, прежде чем приступить к изучению славянской топонимики (то есть топонимики, созданной славянами) на территории Румынии, нужно исключить из списка славянских топонимических названий те

¹ IORGU IORDAN, *Sprachgeographisches aus dem Gebiete der rumänischen Toponomastik*, в *Contributions onomastiques, publiées à l'occasion du VIe Congrès international des sciences onomastiques à Munich du 24 au 28 août 1958*, Bucureşti, 1958, стр. 21.

² Первый, кто серьезно обратил внимание исследователей на роль заимствованных слов в создании местных имен, был М. Фасмер. См. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse*, 1934, стр. 365. См. также: М. VASMER, *Die Slaven in Griechenland*, Berlin, 1941 (*Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1941, phil.-hist. Klasse, No. 12), стр. 311; Е. PETROVICI, *Daco-slava*, «Dacoromania», X₂ (1943), стр. 237—238; 240—241; его же, *Toponime de origine slavo-bulgară pe teritoriul R.P.R.*, «Cercetări de lingvistică», II (1957), стр. 23 и след.; его же, *Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики* (русский перевод предыдущей статьи, с незначительными изменениями), «Romanoslavica», I (1958), стр. 9 и след.; его же, *Toponymes roumains d'origine slave présentant le groupe «voyelle + nasale» pour sl. conn. 2*, в *Contributions onomastiques publiées à l'occasion du VIe Congrès international des sciences onomastiques à Munich du 24 au 28 août 1958*, Bucureşti, 1958, стр. 33 и след.; его же, *Etimologia toponimicului Hordou*, «Cercetări de lingvistică», IV (1959), стр. 153 и след.; его же, *Toponime slave de est pe teritoriul Republicii Populare Romîne*, I. *Toponime prezentînd H provenit din G*, «Romanoslavica», IV (1960), стр. 41 и след.; II. *Toponime cu polnoglasië*, там же, VI (1962), стр. 4 и след.

из них, которые имеют в своей основе нарицательные или личные имена славянского происхождения (без славянских суффиксов), существующие в румынском (и венгерском) языке. Таким образом, местные имена, являющиеся в сущности румынскими нарицательными именами славянского происхождения, следует считать, особенно если они имеют румынскую флексию, топонимами румынского происхождения. Таковы, например: *bahnă* 'болото, топь', *baltă* 'болото'¹, *braniște* 'заповедный лес', *crivină* 'заросль', *crîng* 'роща', *deal* 'пригорок, холм', *dumbravă* 'дубрава' (*dumbrăviță* 'дубравочка'), *gîrlă* 'речка, гирло' (*gîrluță* 'ручеек'), *grajd* 'конюшня', *grădină* 'сад', *grădiște* 'городище, пригорок', *grînd* 'возвышенное место', *gușteriță* 'зеленая ящерица', *halîngă* 'густой кустарник', *iezer* 'озеро', *izvor* 'источник', *laz* 'выкорчеванное поле', *leasă* 'лесная поросль', *luncă* 'луг' (*luncșoară* 'лужок'), *mlacă* 'болото, топь', *mlaștină* 'тоже', *mocirlă* 'топкое место', *movilă* 'холм, бугор', *obcină* 'горный хребет', *obrejă* 'плоскогорье над рекой', *ohabă* 'наделенный привилегией новый населенный пункт', *ostrov* 'остров', *padină* 'плоскогорье', *peșteră* 'пещера', *poiană* 'поляна' (*poieniță* 'поляночка'), *prăpastie* 'пропасть', *prelucă* 'поляна', *prihod* 'перевал', *prihodiște* 'то же', *prisacă* (*presacă*) 'пасака', *prislop* 'перевал', *prival* 'пролив, соединяющий какое-то озеро с Дунаем, в пойме Дуная', *prund* 'галечный берег, гравий', *răstoacă* 'отводной канал', *rovină* 'болотистый овраг; болото', *seliște* (*siliște*, *săliște*) 'селище, место расположения села', *slatină* 'соленый источник; соленое болото' (*slătioară*, уменьшительное от *slatină*), *slobozie* 'слобода', *stejar* 'дуб', *stîncă* 'скала', *strajă* 'стража', *tarniță* 'седловина', *tîrg* 'торг', *topliță* 'источник теплой воды', *trestie* 'тростник' (*trestioară* 'тростинка'), *vîrf* 'верх', *vîrtop* (*hîrtop*) 'овраг', *zănoagă* 'горная долина', *zăpodie* 'плоскогорье', *zăvoi* 'прибережная роща' и др., которые встречаются в румынских словарях² и которые служили для образования топонимических названий типа *Bahna*, *Balta*, *Braniștea*, *Crivina*, *Crîngași*, *Dealul*, *Dumbrava*, *Dumbrăvița*, *Grajduri*, *Grădinele*, *Grădiștea*, *Gușterița*, *Halînga*, *Izvoarele*, *Lazuri*, *Lunca*, *Luncșoara*, *Obreja*, *Ohaba*, *Ostrov*, *Peștera*, *Prisaca*, *Prislop*, *Rovine*, *Slatina*, *Toplița* и др.

Подобным образом многочисленные топонимические названия были созданы румынами на основе румынских личных имен славянского происхождения, либо без суффиксов, либо с румынскими суффиксами *-easă*, *-ești* (ед. ч. *-escu*), *-eni* (*-ani*) (суффикс славянского происхождения: *-ěne*), *-oia* и др., как например: *Balș*, *Băila*, *Bălanu*, *Blaga*, *Bogdan*, *Bogdana*, *Budislav*, *Dobrota*, *Dragomir*, *Drăghici*, *Mindrișca*, *Negoiul*, *Negomiru*, *Novaci*, *Podragul*, *Balotești*, *Bălănești*, *Blăgești*, *Călinești*, *Călineasa*,

¹ Славянское происхождение слова *baltă* спорно. Это слово принадлежит скорее автохтонному (фракийско-дако-мизийскому) фонду румынского языка. Ср. алб. *ballë*.

² Большинство древних южнославянских заимствований в румынском языке было изучено недавно в лексико-семантическом отношении в работе ГН. МИНĂИЛĂ, *Imprumuturi vechi sud-slave în limba romînă*, Бухарест, 1960, в которой встречаем почти все перечисленные выше слова. Употребление этих слов в топонимике рассматривается в работах ИОРГУ ИОРДАНА, *Rumänische Toponomastik*, Bonn—Leipzig, 1924, 1926; *Nume de locuri românești în Republica Populară Romînă*, I, Ed. Academiei R.P.R., Бухарест, 1952.

Dobroteasa, Dragomirești, Drăghicești, Gârdoaia, Girdăneasa, Mindrești, Negulești, Novăcești, Socoloști, Stănilăvești, Voinești, Vrancești и др.

На территории Румынии нужно считаться и с местными именами, созданными венграми на основе венгерских слов славянского происхождения или на основе славянских личных имен, как например: венг. *Gombás* (> рум. *Gimbaș*) < венг. *gombás* 'место, где растут грибы' (< *gomba* 'гриб' < сл. *goba*) + суфф. -s, венг. *Pestes* (> рум. *Peșteș, Peștiș*) < венг. *pest* 'печь' + суфф. -es (< сл. *pešť*), *Szaniszló* (> рум. *Sanislău*) < личное имя *Szaniszló* < сл. *Stanislavъ*).

Если мы будем считать — ошибочно — указанные выше топонимические названия названиями славянского происхождения, мы не в состоянии установить на территории Румынии ни одной изоглоссы, которая позволила бы установить ареалы с одинаковыми фонетическими чертами, характерными для одного славянского диалекта. Если мы не сделаем различия между местными именами, созданными славянами, и местными именами, созданными румынами (или венграми), можно было утверждать, что на всей территории Румынии были говоры восточно-болгарского типа, ибо везде мы встречаем местные имена как *Deal, Grajduri, Grădiște, Peșteră, Peștiș, Slatina* и др. С другой стороны, мы встречаем топонимические названия как будто украинского типа, как например *Corhanul, Huluba, Hulubul, Hulubeasca, Hulubești, Bahna*, которые распространяются до западной границы территории РНР, т.е. до тех областей, где другие топонимические названия представляют рефлексy *št, žd, 'a* (*a*) на месте общесл. **tj, *kt', *dj, *ě* или сохраняют *g* взрывное (напр. *Coșuștea, Grojdibod, Bala, Govodarva* < сл. **Koštja, *Govędjъ brodъ, *Běla, Govędarevo*). Таким образом, следовало бы предполагать что в Мунтении и Олтении были два славянских пласта¹.

Но если мы отказываемся от свидетельства топонимических названий, созданных — или вероятно созданных — румынами (resp. венграми), картина славянской топонимики станет ясной.

На территории РНР вырисовываются четыре славянских топонимических ареала. На востоке (северо-востоке) находится ареал, где бесспорно славянские топонимические названия представляют полногласие (*Dorohoi, Horodiștea, Horodnic, Soloneț, Solonț, Vorona, Voroneț, Voronu*), переход *g* в *h* (*Hliboca, Hordou, (H)rozavlea, Hulubăț, Hupca, Zalha*), рефлекс *u* на место **o* (*Lușca, Putna, Huși*), рефлекс *i* (*i*) на место **ě* (*Bilca, Rîșca*). передача через *-ău* (*-iu*), *-ăuți* славянских суффиксов **-ovъ, *-ovъci* (*Sadău, Bașiu, Dălhăuți*). Этот ареал охватывает Молдавию, румынскую Буковину, Марамуреш, небольшую территорию на север

¹ И.-А. КАНДРЯ (I.-A. CANDREA, *Introducere în studiul toponimiei, cu privire specială asupra Olteniei și Banatului*. Curs litografiat, Facultatea de filosofie și litere din București, anul școlar 1927—1928, стр. 9—11) предполагает, на основе топонимических названий *Bahna* и *Corhanul*, что в западной Олтении находились когда-то украинцы. Но эти местные имена соответствуют румынским нарицательным именам *bahnă* 'болото', *corhan* 'обрыв'. Подобным образом *Huluba, Hulubul* были первоначально личными именами. Действительно, они встречаются в суффиксированной форме, с суффиксом м. р. *-esc* (ж. р. *-ească, мн.ч. -ești*), который прибавляется к личным именам для образования имен отчества и топонимических названий.

Добруджи и северо-восточную Мунтению, а также узкую полосу, расположенную на западе от Восточных Карпат, в Трансильвании.

В южном ареале, включающем Мунтению (за исключением северо-восточного угла), Олтению (за исключением крайнего запада), Добруджу (за исключением северной полосы), и южную Трансильванию, местные имена (в том числе и названия рек) представляют восточноболгарские фонетические черты: общесл. **ě*, **tj*, **kt'*, **dj*, **ъ*, **ь*, **o* > 'a (*a*), **št*, **žd*, **ā* (*i*), *e* (*ā*), *in*, *im*. Например: *Doftana* < сл. **Degŭtēna*, *Dranovăț* < сл. **Drēnovъсь*, *Zlaști* < сл. **Zlatъь* (< личное имя *Zlat*, *Zlate*, *Zlati* + суфф. -*ъь*), *Медвежда* < сл. **Medvѣdje*, *Timna* < сл. **Тьмна*, *Cameneț* < сл. **Kamenъсь*, *Dimbovița* < **Dŭbovica*, *Cimpina* < **Kŭpina*.

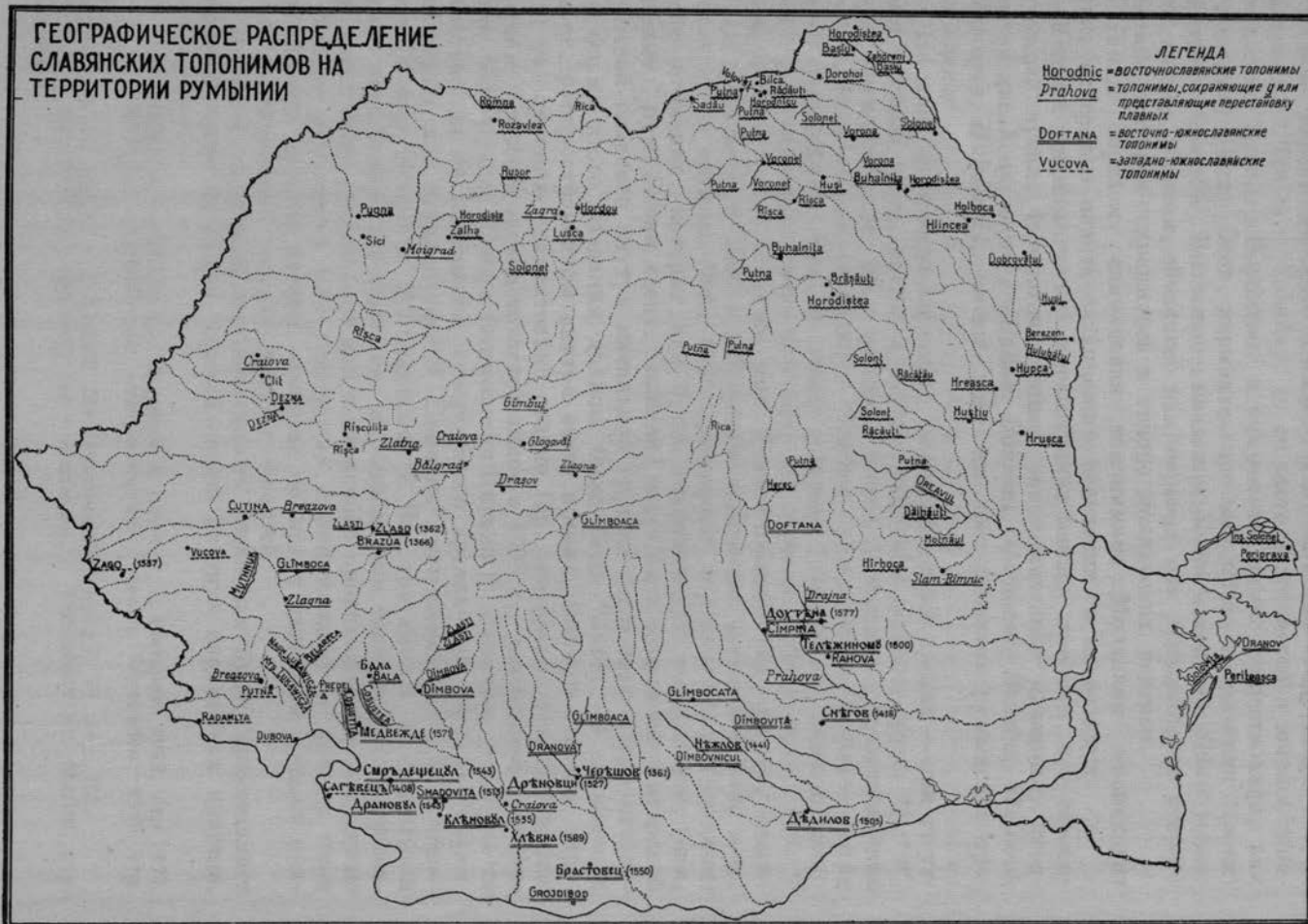
В продолжении южного ареала находится северо-западный ареал, который охватывает центральную Трансильванию и Кришану, с топонимическими названиями, представляющими перестановку плавных (*Bălgrad* < **Belagradъь*, *Crai(o)va* < **Kral'evo*, *Moigrad* < **Mojъgradъь*, *Zlatna* < **Zlatъna*), рефлекс *e* или *i* на месте **ě* (*Deva* < **Děva*, венг. *Szécs*, рум. *Sici* < сл. **Sěěъь*, *Clit* < сл. *Kletъь*, *Rica* < сл. **Rěka*, *Rișca* (*Rișca*) < сл. **Rěčka*, **šč* < **skj* (венг. *Szelicse*, рум. *Sălicea* < сл. **Selišee*).

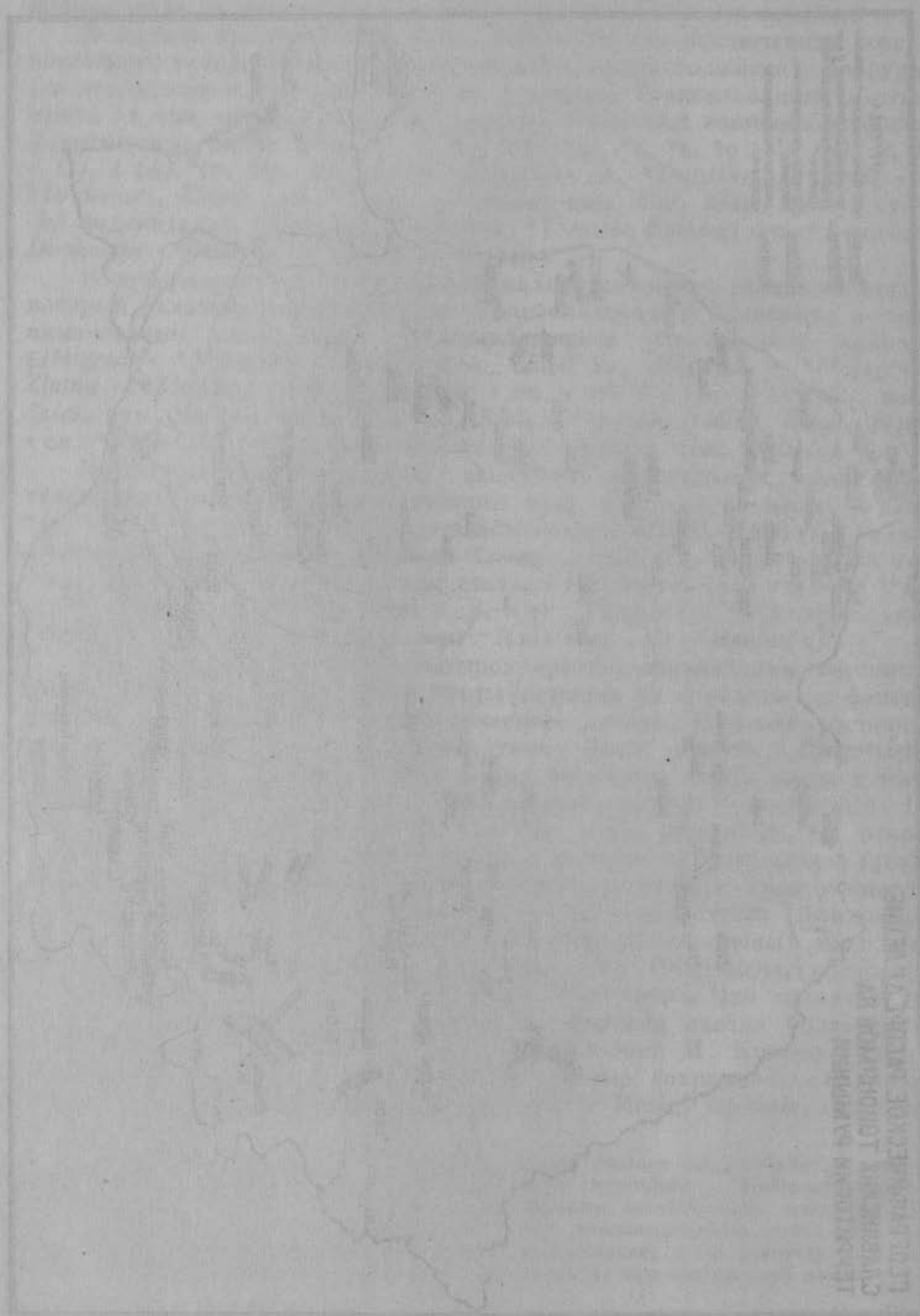
Наконец, четвертый ареал, западный, представляет славянскую топонимику западно-южнославянского типа, с *ǣ*, *e*, *u* на месте общесл. **dj*, **ě*, **o*, **l* (*Гагъкиць* [засвидетельствованное в 1392—1408 гг.], также в форме *Гагакъиць* [1408—1418] или *Гагмакъиць* [1428] < сл. **Sadjavъсь*, *Belareca* < сл. **Bělarěka*, *Lukawicza* [засвидетельствованное в 1440 г.] < сл. **Lŭkavica*, *Putna* < сл. *Ротъна*, *Șrni* < сл. **Qgre*, *Vucova* < сл. **Vŭkovo*), а также *l* epentheticum (рум. *Radimna*, венг. *Radamlya* < сл. **Radiml'a*).

Внутри каждого из этих четырех ареалов мы находим топонимические названия, фонетические черты которых не совпадают с фонетическими чертами данного топонимического ареала. В северо-восточном ареале топонимические названия типа *Blaga*, *Breazul*, *Dragomirna*, *Grajduři*, *Grădiștea*, *Slatina*, *Slănic* и др. как будто подтверждают тезис о двух славянских пластах — один южный, другой — восточный. Но подобные местные имена были созданы либо румынами, на основе румынских нарицательных имен южнославянского происхождения (*grajd*, *grădiște*, *slatină*) или же на основе румынских личных имен южнославянского происхождения (*Blaga*, *Breazu(l)* < рум. *breaz* 'белолобый' < болг. *брыз*), либо славянами на основе румынских личных имен южнославянского происхождения, как например *Dragomirna*, которое в прошлом имело и румынский вариант *Dragomirești*. Что касается гидронима *Slănic* в Молдавии, который Г. Вейганд считал болгарским, вероятно он является новым, как предполагает И. Книежа. Старое название было, по видимому *Солонец*, которое сохранилось в говоре молдавских венгров (по-венгерски *csángok*)¹. Между прочим, гидроним

¹ И. Книежа считает, что секлерская форма *Szalanc* (употребляется венгерским населением восточной Трансильвании) этого гидронима — южно-славянского происхождения: *Slanъсь*. Но форма, употребляемая молдавскими венграми *Solont*, часто встречаемая в Молдавии, является доказательством того, что это восточнославянская форма, представляющая полногласие, а не эпентезу гласного внутри начального сочетания согласных, характерную для венгерского языка.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ТОПОНИМОВ НА ТЕРРИТОРИИ РУМАНИИ

Solonț и *Soloneț* (<укр. *Солонець*) встречается несколько раз в северо-восточном топонимическом ареале. Что касается гидронима *Slănic* (< южносл. **Slanikъ* < **Solnikъ*), то он часто встречается в южном топонимическом ареале. Вероятно, в румынском языке существовало, как предполагал Петар Скок, нарицательное имя *slănic*, в значении '(река) с солонистой водой'. Вытеснение названия *Solonț* названием *Slănic* может быть, таким образом, объяснено как перевод или румынизацию старого названия, которое сохранилось в говоре молдавских венгров.

Таким образом, славянская топонимика Молдавии происходит только от одного пласта славянского населения, а не от двух.

Южный топонимический ареал ставит меньше проблем, чем северо-восточный ареал. Немногочисленные топонимические названия, представляющие *h* на месте *g* (*Bahna, Băhneni, Corhanul, Huluba, Hulubul, Hulubeasca, Hulubești*), имеют, как мы уже показали румынское происхождение.

Что касается северо-западного топонимического ареала — при отсутствии местных имен, представляющих рефлексы общесл. групп **tj*, **kt'*, **dj*, за исключением тех, которые имеют румынское происхождение (*Peștera, Peștere*) или венгерское (*Pestes* > рум. *Peșteș, Peștiș*) — мы не можем установить, был ли говор славян, создавших данную топонимику, болгарского типа или нет. Во всяком случае ясно, что **ě* не перешел в *a* (*a*), как на юге Трансильвании (ср. форму, засвидетельствованную в 1366 г.: *Brazua* в настоящее время *Breazova*, венг. *Brázova*). Но группы **tort*, **tolt* претерпели перестановку. Топонимические названия, которые как будто представляют полногласие (как, например, рум. *Solona* < венг. *Szalonna*) могут быть объяснены венгерской эпентезой гласного внутри начальной группы согласных. Первоначальная форма этого названия должна была быть **Slana*. В славянском говоре, распространенном внутри этого ареала, носовые гласные утратили назализацию сравнительно поздно (ср. венгерское топонимическое название *Gumbuch* засвидетельствованное в 1303 г., современное *Gambuc* (< рум. *Gîmbuț*) < сл. **Grbosъ* (этимология Книежи)¹. Западнее этой области представляли ли славянские говоры этого ареала западно-южнославянские черты, как предполагает И. Попович², или словацкие, как утверждают Элемер Моор³ и Ян Станислав⁴? Все три автора не учитывали в достаточной мере тот факт, что изученные ими топонимические названия могут быть румынского или венгерского происхождения, созданные на основе румынских или венгерских нарицательных и личных имен славянского происхождения, которые не могут дать нам точных указаний о славянских говорах данных областей.

Наконец, западный топонимический ареал как будто представляет топонимические названия, происходящие из двух славянских пластов.

¹ См. DEÉR J. — GÁLDI L., *Magyarok és románok*, I, Budapest, 1943, стр. 177.

² I. POPOVIĆ, *Geschichte der serbo-kroatischen Sprache*, Wiesbaden, 1960, стр. 291—292.

³ ELEMÉR MOÓR, «*Zeitschrift für Ortsnamenforschung*», VI, стр. 123.

⁴ JAN STANISLAV, *Slovenský juh v stredoveku*, I, Turčiansky Sv. Martin, стр. 565 и след.

Но такие названия как *Peștera*, *Breazova*, *Luncavița* либо являются румынскими, либо изменились под влиянием румынских форм (ср. рум. *peșteră*, *breaz*, ж.р. *brează*, *luncă*).

Ставится вопрос, с какого времени установилось нынешнее распределение славянских топонимических ареалов на территории Румынии. Формы топонимических названий, засвидетельствованных с XIV и XV вв., свидетельствуют о том, что в XIV в. ареалы были приблизительно теми же, как и в настоящее время. Для более ранних веков мы располагаем крайне немногочисленными документами, а по отношению к северо-восточному и южному ареалам они полностью отсутствуют. Мне представляется ошибочным объяснение этих ареалов сравнительно поздними миграциями славянского населения из соседних стран или созданием книжных славянских топонимических названий администрацией Валахии и в особенности Молдавии, где канцелярии румынских воевод употребляли, как язык администрации и дипломатических сношений, среднеболгарский в Валахии и древнеукраинский в Молдавии. Славяне, которые жили в средние века на территории бывшей Дакии не были изолированы от их соплеменников. Наоборот, между дакийскими славянами и славянами соседних стран поддерживался постоянный контакт и имели место постоянные передвижения из одной области в другую. Таким образом распространились и у славян бывшей Дакии инновации, идущие от северо-востока (восточнославянские, украинские), от юга (болгарские) и юго-запада (сербские). Могли ли проникать к этим славянам также инновации от северо-запада (словацкие)? Вопрос остается по-прежнему открытым.